

7 ноября 2014 года
Выпуск №45 (255)

Еженедельная приходская стенгазета

Православие и мир

Очередь к причастию: Кто сказал, что мужчин надо пропускать?

Протоиерей Александр Авдюгин

«Сначала дети, затем мужчины, а потом женщины!» Знакомо? Мне тоже. Сам так говорю, когда причащать прихожан собираюсь.

И, наверное, не задумывался бы я над этим, казалось бы, всем знакомым правилом, да вот беда, раз за разом вижу, как замечания

о «внеочередности» наши постоянные прихожанки иным, не столь частым посетителям храма делают, а иногда и из очереди к Чаше выдергивают. С ретивыми прихожанками разберусь, но данное усердие в соблюдении «правила» заставило задуматься, а откуда, ►

собственно, оно взялось?

Вездесущий интернет православной направленности лишь подсказал, что так якобы когда-то советовал святитель Игнатий Брянчанинов. Даже если и советовал, то это был лишь его совет и не более того. Доводить совет даже святого подвижника до канонической нормы нельзя, а искать *consensus patrum* (согласия отцов) о порядке очередности во время причастия или помазания елеем глупо.

Ясно и не вызывает сомнений лишь одно, что первыми причащаются монашествующие, а затем те, кто в стихарях и подрясниках. Апостольские постановления четко говорят об этом: «... пусть причащается епископ, потом пресвитеры, диаконы, иподиаконы, чтецы, певцы, аскеты, а между женщинами – диакониссы, девственницы, вдовицы, потом дети, а затем весь народ по порядку, со стыдливостью и благоговением, без шума». Именно «народ по порядку», а не изначально мужчины, а затем женщины.

По поводу очередности причащения детей, казалось бы (судя по вышеприведенной цитате), тоже вопросов нет, хотя среди священства мнения разнятся. Так протоиерей Дмитрий Смирнов в одной из своих многочисленных передач подошел к этому вопросу очень даже практически: «Дети первые. Для удобства. Гвалта меньше будет». И действительно, как бы ни любили мы своих чад, но благоговейно подходить к Чаше, когда рядом крик и плач, не у каждого получится.

Хотя священник Сергей Свешников, разбирая этот же вопрос, решает и здесь заняться воспитанием: «Если, например, какой-нибудь малыш капризничает, и маме или папе с ним трудно, а очередь к причастию длинная, то конечно, можно их пропустить вперед... А родителям стоит задуматься о том, что если они постоянно своего ребеночка пропихивают вперед, помимо взрослых людей, помимо престарелых людей, то это воспитывает в

детях вещи совсем не добродетельные. А если же ребеночку объяснить, что нужно спокойно встать, уважая взрослых, пропустить их вперед, а потом уже идти самому, то вот это будет правильное христианское отношение».

Воспитывать, конечно, надобно всегда, но все же есть четкое апостольское установление: после тех, кто в стихарях и чинах церковных написаны именно «дети».

В некоторых храмах РПЦ можно наблюдать, к сожалению, забытую традицию, когда мужчины стоят с одной стороны храма, а женщины с другой. От этого и складывался четкий порядок подхода к Чаше, к помазанию, к кресту. Традиция утеряна, а вот оставшийся принцип – первые мужчины, почему-то остался. Странно видеть, когда еле на ногах стоящая бабулька вынуждена ожидать из-за неизвестно кем придуманного «закона» своей очередности, пропуская вперед вполне здоровых мужиков.

Мы прекрасно знаем, что во Христе нет ни мужеского пола, ни женского, т.е. для Бога мы все одинаково дороги, так зачем же и здесь устраиваем гендерное деление?

Странности иногда выходят. К Чаше молодые ребята в первую очередь, а две мои прихожанки, которые во времена хрущевские книги церковные, иконы и сосуды евхаристические сохранили, за ними...

Смирятся, говорите? Нет. Иное тут. Очередь бессердечная, где во главе угла всего лишь неизвестно откуда взявшееся правило.

www.pravmir.ru

Евангельское чтение

Исцеление гадаринского бесноватого (Лк. 8:26-39)

И приплыли в страну Гадаринскую, лежащую против Галилеи.

Когда же вышел Он на берег, встретил Его один человек из города, одержимый бесами с давнего времени, и в одежду не одевавшийся, и живший не в доме, а в гробах.

Он, увидев Иисуса, вскричал, пал пред Ним и громким голосом сказал: что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? умоляю Тебя, не мучь меня. Ибо Иисус повелел нечистому духу выйти из сего человека, потому что он долгое время мучил его, так что его связывали цепями и узами, сберегая его; но он разрывал узы и был гоним бесом в пустыни.

Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, - потому что много бесов вошло в него. И они просили Иисуса, чтобы не повелел им идти в бездну.

Тут же на горе паслось большое стадо свиней; и бесы просили Его, чтобы позволил им

войти в них. Он позволил им.

Бесы, выйдя из человека, вошли в свиней, и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло. Пастухи, видя происшедшее, побежали и рассказали в городе и в селениях.

И вышли видеть происшедшее; и, придя к Иисусу, нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисуса, одетого и в здравом уме; и ужаснулись. Видевшие же рассказали им, как исцелился бесноватый.

И просил Его весь народ Гадаринской окрестности удалиться от них, потому что они объята были великим страхом. Он вошел в лодку и возвратился.

Человек же, из которого вышли бесы, просил Его, чтобы быть с Ним. Но Иисус отпустил его, сказав: возвратись в дом твой и расскажи, что сотворил тебе Бог. Он пошел и проповедовал по всему городу, что сотворил ему Иисус.

Проповедь на Евангельское чтение

Митрополит Антоний Сурожский

Рассказ, который мы только что слышали, ставит нас лицом к лицу с тремя различными и несовместимыми положениями. Мы видим, во-первых, отношение к одержимому человеку сил зла, бесов, сил зла, которые всячески стараются его поработить, не оставить в нем ничего, что не было бы им подвластно, что не принадлежало бы им до конца, чем они не могли бы воспользоваться, чтобы творить свое зло. Эти силы бесовские можно назвать всеми названиями греха человеческого: если только мы даем власть в себе какому-либо греху, мы делаемся рабами греха (об этом и

апостол Павел говорит подробно). И если мы делаемся рабами греха, то перед нами участь этого человека: всю жизнь прожить как оружие зла на земле, в безумии, в страдании, в творении зла.

Но за этим стоит более страшное. Бесы просили, чтобы Христос их послал в стадо свиное. Свиньи для евреев означали нечистоту: выбор бесов пойти в стадо свиное говорит о том, что все зло, которое в нас присутствует, которое мы творим, которому мы прилепляемся, которому мы даем власть над собой – это именно осквернение и предельная ►

нечистота. А предел этого порабощения мы видим опять-таки в судьбе свиного стада: оно погибло, ничего не осталось от него. Оно исполнило свое задание и было уничтожено. Вот отношение сил зла к нам, к каждому из нас, ко всем нам в совокупности: к общинам, семьям, государствам, вероисповеданиям, – ко всем без исключения.

И вместе с этим мы видим отношение Спасителя Христа. Перед Ним – вся трагедия

что каждый из нас во власти тех или других страстей. В ком нет зависти, в ком нет горечи, в ком нет ненависти, в ком нет тысячи других грехов? Мы все в той или другой мере одержимы, то есть под властью темных сил, а это и есть их цель: овладеть нами, чтобы мы стали ничем иным как орудием зла, которое они хотят творить и могут творить только через нас, но одновременно сделать нас не только творцами зла, но и страдальцами...

Неужели мы, будучи Христовыми, не выберем путь Христов, крестный, жертвенный путь, который может дать свободу другим, новую жизнь другим, если только мы оторвемся от всего того, что нас занимает, ради того чтобы обратить внимание на одну реальную, жгучую нужду?

Вселенной, и Он, как бы забывая эту трагедию Вселенной, вернее, видя ее воплощенной, трагически, в одном человеке, оставляет все ради того, чтобы спасти этого человека. Умеем ли мы это сделать? Умеем ли мы забыть о больших задачах, о которых мы мечтаем, ради того, чтобы сосредоточить свое внимание, отдать свое сердце до конца, творчески, трагически, крестно одной-единственной нужде, которой мы можем помочь?

И третий образ – это образ людей гадаринских, которые знали, в каком состоянии этот бесноватый, видели ужас его бесноватости и слышали о том, что Христос его исцелил и какой ценой: цена была гибель их стада. И они пришли ко Христу, прося Его уйти, оставить их пределы, не творить более чудес, которые им «дорого стоят»: даже не жизни, не покоя, а вещественного богатства... Вот о чем они просили: Уйди от нас! Твои чудеса, Твоя Божественная любовь слишком для нас накладны, уйди!

Нам надо подумать о себе. Мы можем себя увидеть в образе этого бесноватого, потому

Подумаем о себе по отношению к другим людям: не хотим ли мы ими обладать? Не стараемся ли мы над ними властвовать, их поработить, сделать из них орудия нашей воли, предметы наших вожделений? Всякий из нас может в себе найти именно такие свойства, такие поступки и увидеть вокруг себя такие именно жертвы.

И наконец, подумаем: мы Христовы. Неужели мы, будучи Христовыми, не выберем путь Христов, крестный, жертвенный путь, который может дать свободу другим, новую жизнь другим, если только мы оторвемся от всего того, что нас занимает, ради того чтобы обратить внимание на одну реальную, жгучую нужду? Подумаем об этом; потому что Евангелие к нам обращается не для того только, чтобы нам представить образы; Евангелие – призыв и вызов: где ты стоишь, кто ты, с кем ты?.. Каждый из нас должен себе ответить и ответить Богу: кто мы? где мы?

Бегство от Спасителя, или Трудно быть с Богом

Архимандрит Савва (Мажуко)

Многие люди считают, что «уходя с головой в веру», человек облегчает себе жизнь, закрывается от проблем с помощью «опиума для народа». Действительно ли верующим быть проще? Архимандрит Савва (Мажуко) утверждает, что думать так – это большое заблуждение.

Принято считать, что верующий человек находится в более выгодном положении, чем неверующий: вера помогает ему выстоять, дает надежду и силы в тяжелых жизненных обстоятельствах, верующему проще и комфортнее – он знает все ответы, его не мучают

сомнения, он принимает решения без колебаний. Вера – бодрит. Замолаживает.

Если вы смотрите на верующих под таким углом зрения, вам должна быть близка точка зрения покойного Владимира Ильича, видевшего в религии род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свою нищету и бесправие.

И в этом есть своя правда: всегда был некоторый процент людей, сбегавших в религию от проблем, удирающих от мира. Но таковых единицы. Говорю, как человек, наблюдающий изнутри. Спасаться от мира – в этом есть своя корысть, свой интерес. Но легче ли и ►

проще ли быть верующим?

Если подходить к вере с меркой пользы и корыстью, то будем честны, – верующий гораздо больше потеряет, чем приобретет. Большинство способов устроиться в этой жизни нам, верующим, недоступны. Нам просто совестно этим пользоваться. И не только потому, что Писание или Церковь запрещает.

Просто – не можем по-другому. Не в со-

спасаюсь от Спасителя.

Призвание не есть вопрос выбора. Потому что Истина – это то, что есть на самом деле. То, что ЕСТЬ. В опыте Истины есть неуловимый момент принуждения. Пребывать в Истине значит выйти из сферы свободы выбора. Можно выбрать религию, но не веру.

Пребывая в Истине, ты знаешь, как ЕСТЬ на самом деле. Может быть, поэтому один из

Быть христианином – это очень больно. Это трагично. Ты знаешь, не просто то, что Бог есть, ты знаешь, Кто Он, как смотрит на тебя, чего ждет от тебя, что делает для тебя. Нет – не знаешь, а переживаешь Его Подлинно Живым и Сущим: Он Есть. И в этой простой фразе – весь опыт веры.

стоянии переступить через себя, даже если очень надо. И проходят мимо нас многие удовольствия этого мира, отрадные наслаждения, карьерные решения, доступные ходы.

Верующим быть невыгодно. Но пытливый совопросник возразит: но ведь есть выгода духовная, мы лишаем себя здесь каких-то временных радостей, избегаем страстей и неправды, но там, в Царстве Небесном, нам воздастся сторицею – а что это, если не выгодное вложение своей жизни?

Однако напомним себе: библейские обетования изложены языком образов, метафор. Категории выгоды и пользы в описании Царства Небесного не работают, да и надо быть честным: верующие мы, не потому что хотим выгодно себя вложить в какой-то предельно долгосрочный проект. У нас просто нет выбора.

Господь назвал Себя Истиной (Ин 14:6), и верующий человек отличается от неверующего как раз тем, что Истина настигла его, и он живет в присутствии Истины, ходит перед Богом, и это так, даже если я тщательно избегаю праведной жизни, бегу от Евангелия,

русских философов указывал на неожиданную этимологию слова «истина» от «естина», – то есть то, что есть на самом деле, что подлинно, что есть настоящее, что предельно реально, что настолько ЕСТЬ, что с этим никак не поспоришь.

Поэтому быть христианином – это очень больно. Это трагично. Ты знаешь, не просто то, что Бог есть, ты знаешь, Кто Он, как смотрит на тебя, чего ждет от тебя, что делает для тебя. Нет – не знаешь, а переживаешь Его Подлинно Живым и Сущим: Он Есть. И в этой простой фразе – весь опыт веры.

Но еще ты знаешь – опытно, практически, всей кожей твоей, всем сердцем, – как болен мир и человек, сколько «тьмы беспросветной в груди человека» – у тебя в груди, – и как тяжело дается добро, какого труда это все стоит и как трудно быть человеком. Как трудно и больно быть. Быть – больно.

И самое тяжелое: от этого никуда не скроешься. От Бога никуда не скроешься. И не подумайте, что это мысли какого-то религиозного инвалида. Этот опыт был близок даже царю Давиду. Даже ему приходило на ►

сердце желание сбежать от Бога, надежда спастись от Творца, скрыться от Вседержителя, и он остро переживал конфликт истины и свободы:

«Куда пойду от Духа твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря: и там рука Твоя поведет меня, и удержит меня десница Твоя. Скажу ли: «может быть тьма скроет меня, и свет вокруг меня сделается ночью». Но и тьма не затмит от Тебя, и ночь светла, как день; как тьма, так и свет» (Пс 139:7-12).

Хочешь бежать от Бога? Он Сам соберет тебя в дорогу, ты будешь выбираться из ограды церковной на Его плечах, и по каким бы ущельям не скитался, в каких бы пропастях ни прятался – Он все равно будет рядом, и руки Его, заботливые и любящие, всегда поддерживают тебя и согреют, даже если ты будешь бороться с этим теплом и оттолкнешь эту руку.

Невозможно перестать быть верующим. Это никак «не выключается». Бог есть, и с Ним – правда, с Ним все правильное, естественное, настоящее и значительное. Быть с Ним – «естественное место» человека, и мы стремимся к Нему, жаждем любить Его, но тьма внутри всегда сопротивляется живому, не хочет жизни, боится сложного, прячется от Бога, пусть даже и в преисподней или «на краю моря».

Было бы легче, если бы Бога не было. Но Он есть. Слишком есть. И ничего с этим поделать нельзя. Его нельзя попросить не быть, это единственное, что Ему не по силам.

А еще тяжелее то, что есть Христос. Его жизнь, Его учение, самое главное – Он Сам.

Слишком близко Он подошел к каждому из нас, и мы никуда не можем спрятаться от Него, Его жизнь не просто пронизывает нашу, но наша жизнь и есть Он. Мы потому и живы, что дышим Им, живем Его жизнью, любим Его любовью, радуемся Его радостью.

Потому так странно звучит вопрос: чего Церковь хочет от нас? Мы – Тело Христово. Мы и есть Церковь. Чего я как часть Христова Тела хочу от себя? Просто быть. Быть по-настоящему. Быть таким и таким образом, как меня задумал и создал Бог. А это очень непросто. Это трудно, как все подлинно прекрасное.

Проще быть без Бога. То есть вовсе не быть. Очарованные томительной и мнимой простотой небытия, мы хотим скрыться от Бога, запретить Ему быть или хотя бы не знать о Нем ничего: есть Он, нету Его – ничего не хочу об этом знать, и не напоминайте мне – ни словами, ни иконами, ни крестами, ни священниками.

Верующие – пугают. Тревожат. Это беспокойный и беспокоящий народ. Без них проще. Без веры проще, проще – без верующих. И куда проще без их Бога.

И мы, верующие, временами завидуем неверующим или просто людям религиозным. Им проще. Понятнее. Они не встретили Его – Лишающего покоя, отдыха и сна. Подлинного Утешителя. Настоящего Отца. Бескорыстного Наставника, который искал «не нашего, а нас» (2Кор 12:14), и нашел и, как пугливую овцу-потеряшку, положил на плечи Свои, «посадил Себе на шею», спас от себя самих.

www.pravmir.ru

Священномученик Василий Колоколов

День памяти – 13 ноября

Священномученик Василий родился 19 января 1873 года в селе Варварино Московской губернии в семье псаломщика Иоанна Колоколова. После окончания семинарии Василий Иванович устроился работать учителем. В 1900 году он был рукоположен во священника и всю жизнь прослужил в Иоанно-Предтеченском храме села Грибаново Волоколамского уезда Московской губернии.

В 1922 году отец Василий был первый раз арестован в связи с делом об изъятии церковных ценностей и осужден на восемь месяцев лишения свободы условно. В 1929 году за невыполнение хлебозаготовок был приговорен к трем годам ссылки. После отбытия четырех месяцев наказания областной суд отменил приговор.

17 октября 1937 года, в разгар гонений на Русскую Православную Церковь, отец Василий был арестован. Один из лжесвидетелей показал: «... После службы поп Колоколов обратился к верующим со “словом” по вопросу о налогах на церковь и его самого, причем заявил: “Церковь была неправильно обложена советской властью большим налогом, я добился снижения налога, но на меня самого советская власть неправильно наложила непосильный налог, уплатить я не в силах, и меня за это посадят в тюрьму, и вы останетесь без церкви. Помогите мне уплатить налог”».

На допросе следователь обвинил священника в клевете на сталинскую конституцию:

– Вы среди колхозников выступали с контрреволюционной клеветой на сталинскую конституцию и говорили: «...Должна быть представлена

полная свобода выступлений двух сторон за и против власти. Если этого не будет, то конституция сталинская будет куцая, как и конституция 1905 года». Это вы признаете?

– ...Мной в беседе говорилось, что свобода слова будет на бумаге, а если бы была дана свобода слова с обеих сторон за и против, то была бы действительно свобода не на бумаге, а на деле. Этого же нет, и конституция остается на бумаге, куцая, как и конституция 1905 года. Кроме того, я также в беседе с колхозниками в лавке кооперации говорил в феврале 1937 года: «Конституция отняла свободу, закрепила за колхозами землю, а кооперация не дает хлеба, крестьяне все подавлены, умирают с голоду, но сказать ничего не могут – все запуганы. Надо сейчас объединиться всем колхозам и требовать у советской власти хлеба, все встанут против советской власти». Признаю это.

На следующий день, 22 октября, священника Василия Колоколова перевели в Волоколамскую, а затем в Таганскую тюрьму в Москве. 11 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Священник Василий Колоколов был расстрелян 13 ноября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

*Публикуется в сокращении
«Жития новомучеников и исповедников
Российских XX века Московской епархии.*

*Сентябрь-Октябрь».
Тверь, 2003 год, стр. 225-228.*

**Подготовлено совместно
с Синодальным информационным отделом
Русской Православной Церкви**

«Православие и мир» — ежедневно о том,
как быть православным христианином сегодня.

Редакторы: Мария Абушкина, Анна Данилова
Корректор: Екатерина Сысина
Макет, верстка: Сергей Амиантов
Художник: Наталья Сажина

Адрес в интернете: www.pravmir.ru
Электронная почта: gazeta@pravmir.ru